

УДК 904(470.6)

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ №33 КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

© 2017 г. **М.Б. Мужухоев**, Е.И. Нарожный, Д.Ю. Чахкиев

В статье вводится в научный оборот еще одно воинское захоронение Келийского могильника золотоордынского времени из горной Ингушетии. Шлем, сопровождавший погребенного в каменном ящике, представлен экземпляром, полностью изготовленным из кольчужной сетки, надевавшейся на голову. Сверху шлем венчало бронзовое навершие с изображением 4-х птиц-грифонов. На лицевой стороне боевого наголовья – подпрямоугольные вырезы для глаз. Если шлем не имеет прямых и точных аналогий, хотя его конструктивно можно соотнести с «кольчужными шапочками» Северо-Западного Кавказа, то бронзовые навершия имеют точные аналогии на нескольких шлемах из кочевнических захоронений эпохи Золотой Орды и из Нового Сарая. Аналоги не только датируют публикуемый шлем, но и позволяют сделать несколько предположений, позволяющих рассматривать его и как возможный прототип более поздних наголовий – т.н. «мисюрок».

Ключевые слова: высокогорная Ингушетия, Келийский могильник, золотоордынское время, военное дело, шлемы, навершие с изображением грифонов.

Охранно-спасательные археологические исследования 1987-1988 гг., проводившиеся силами двух археологических отрядов - ЧИНИИСФ (рук. д.и.н. М.Б. Мужухоев)¹ и ППАЭ АЛ ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (рук. – в 1987 г. Е.И. Нарожный, в 1988 г. С.Н. Савенко), дали массовый и яркий археологический материал, включая и материалы для изучения вооружения и военного дела средневекового населения высокогорной Ингушетии (Нарожный, 1989. С. 65). По объективным причинам в научный оборот к сегодняшнему дню введена лишь мизерная часть раскопанных данных и, в особенности, воинских захоронений (Нарожный, Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1990. С.49-79; Виноградов, Нарожный, 1994. С. 68-91; Нарожный, Нарожный, Чахкиев., 2005. С. 291-304; Нарожный, Нарожный., 2012а. С. 173-183; 2012б. С. 182-196).

Раскоп ЧИНИИСФ 1987 года (Нарожный, Нарожный., 2015. С. 169–176, рис.1) был отделен от раскопа ЧИГУ небольшой (0,5 м ширины) смежной бровкой. Нумерация погребений на обоих раскопах велась отдельно. По этой причине публикуемое погребение № 33 следует оговаривать тем, что находилось оно в раскопе ЧИНИИСФ.²

¹ Помимо М.Б. Мужухоева непосредственное участие в работах этого отряда принимал сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИСФ - к.и.н. Х.М. Мамаев и к.и.н. Д.Ю. Чахкиев

² В раскопе АЛ ЧИГУ было другое погребение под тем же номером.

Публикуемое захоронение³ было совершено в каменном ящике, образованном поставленными вертикально («на ребро») камнями без следов тщательной их обработки. Сверху каменный ящик (Рис. 1) был перекрыт каменными плитками, уложенными плашмя, поперек сооружения. Длинной осью погребальная конструкция вытянута с З на В (Рис. 1). Внутри (Рис. 2) – скелет молодого мужчины удовлетворительной сохранности; костяк положен вытянуто на спине, головой на западный сектор, сохранился не полностью: череп смещен, лежал на левой височной кости, затылочной частью к В. От грудной клетки сохранилось лишь одно ребро, лежавшее под левой плечевой костью. Кости левой руки смещены, кости правой руки отсутствовали. Кости тазобедренного сустава не сохранились. Кости нижних конечностей вытянуты к В. Захоронение сопровождал довольно выразительный инвентарь.

К юго-западу от черепа находился шлем, целиком изготовленный из колец кольчужного плетения в виде немного удлиненной шапочки - «балаклавы» с прорезями подпрямоугольной формы для глаз на лицевой стороне и бронзовым навершием в центральной части верха шлема. Высота шлема от нижнего края кольчужной основы до верхнего окончания навершия – 24 см. Навершие литое, из бронзы, состоит из вогнутой пластинки подквадратной формы (7х6,7 см) с декорированной

³ В силу различного рода обстоятельств, публикуемые материалы остались единственным отчетным источником, которые и вводятся в научный оборот.

внешней поверхностью и фигурно оформленными боковыми сторонами; пластинка разделена по внешней поверхности на 4 сектора. В каждом из таких секторов помещено слабо рельефное изображение грифона. В центре пластины, вверх отходит округлая бронзовая трубка, завершающаяся сверху расширением подцилиндрической формы.

Вырезы для глаз – подпрямоугольной формы размерами 3х6 см⁴.

Определенный интерес представляет то, что шлем, находясь рядом с черепом почти в вертикальном положении, будучи полым, сильно не деформировался, что свидетельствует о том, что под кольчужной сеткой его основы, вероятнее всего, изначально находилась и другая основа из твердой кожи (?). От этой основы сохранился тонкий налет, просматривавшийся в ржавчине. На внешней поверхности шлема, впрочем, как и на некоторых других предметах из захоронения сохранились небольшие участки со следами пятен тлена дмотканой, полотняной (?) ткани, скорее всего, от погребального покрывала (савана), покрывавшего не только шлем, но и все захоронение внутри каменного ящика⁵.

В центре изначального расположения несохранившейся грудной клетки находилась железная пряжка, восточнее пряжки лежал железный черешковый нож. Южнее черешка рукояти этого ножа – бронзовое кольцо от

⁴ На фото вырезы кажутся иной конфигурации. Однако этот эффект обусловлен деформацией этой части шлема.

⁵ Укажем и на остатки подобного покрывала и на шлеме из Убинского могильника, Остатки ткани на нем Р.Б. Схатум трактует, как остатки чалмы (Схатум. 2004. С. 331-342), хотя доказательств в пользу такой трактовки следов ткани, он не приводит. А это делает его предположение маловероятным, особенно, на фоне нынешнего восприятия данного некрополя как могильника представителей монокультурного и синхронного массива, без каких-либо ярко выраженных признаков их исламизации. Наоборот, в одном из таких захоронений («курган 1, погребение 2») была обнаружена даже иконка с изображением «Богоматери с младенцем» (Хачатурова. 2012. С. 91. рис.1,2). Данная находка делает заметно схожей этноконфессиональную ситуацию здесь, например, с конфессиональной обстановкой, характерной для Келийского могильника в горной Ингушетии (Нарожный. 2014. С.147-153), на котором, также, были обнаружены и предметы христианской пластики (Виноградов, Нарожный, Голованова. 1990. С.6-17; Нарожный. 1990. С. 50-54). На этом фоне следы покрытия погребенных и сопровождавшего их погребального инвентаря специальными покрывалами (саваном), не вызывает вопросов.

португеи. Почти от плеча правой руки, вдоль туловища погребенного была уложена железная, двулезвийная сабля.

Железная пряжка⁶ из захоронения находит многочисленные и полные аналогии среди точно таких же предметов в других каменных ящиках и грунтовых захоронениях, а также и среди пряжек из погребального инвентаря полуподземных склепов Келийского могильника XIII-XIV вв. В целом ряде случаев, если судить по микротопографии расположения таких пряжек внутри захоронений, их вполне позволительно рассматривать, как относящиеся к португеем сабель.

Железный черешковый нож также типичен для захоронений Келийского могильника золотоордынского времени.

Бронзовое кольцо изготовлено из округлой в сечении проволоки с сомкнутыми концами. Диаметр проволоки -0,25 см; диаметр кольца – 3 см. Среди погребального инвентаря других захоронений Келийского могильника такие же кольца связаны с португеем сабель.

Наибольший интерес представляет находка шлема оригинальной «конструкции», напоминающей немного удлиненный вариант современных шерстяных шапочек - «балаклав». Публикуемый шлем полностью сплетен из колец кольчужного плетения, в виде невысокой, удлиненной «шапочки», полностью закрывавшей верх, затылочную часть, боковые части черепа, а также, его лицевую часть (Рис. 2, рис. 3). Аналогий данному типу воинских боевых наголовий нам неизвестно, хотя отдельные его детали позволяют вести речь о следующем.

В первую очередь, обратим внимание на бронзовое навершие, состоящее из фигурной (четырёхчастной) и слабовыпуклой пластины подвешенная, крепившейся к шлему посредством 4-х железных заклепок, размещенных в углах пластины. Сквозь центр пластинки вверх проходит полая бронзовая трубка с утолщением наверху (Рис. 3. Рис. 4). Высота навершия (от низа пластинки до верха трубки) – 4,8 см. Из них – высота возвышения пластинок -3,3 см. Диаметр округлого утолщения сверху трубки – 1,5 см.

Подобные, практически, тождественные навершия на шлемах хорошо известны, хотя

⁶ Здесь и далее, к сожалению мы не можем привести рисунки отмеченных предметов, поскольку в данном случае остается довольствоваться лишь кратким их описанием по полевой описи, в 1987 году ведшейся одним из авторов данной публикации.

их основная масса сопряжена со шлемами различных типов, а сами шлемы, преимущественно, связаны с кочевническими погребениями (предварительный обзор находок см.: (Нарожный. 2008.).

На наличие подобного навершия уже обращалось внимание специалистов: в 1960 году Е.К. Максимов опубликовал шлем из кочевнического захоронения из-под г. Энгельса (Саратовское Заволжье). Это боевое наголовье было презентовано им как «древнерусское» по происхождению (Максимов. 1960. С. 190-193. С. 191, рис.1, 1-3).⁷ Данную точку зрения разделил сначала Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривавший декор подвершия того же шлема как связанный с русским искусством (Федоров-Давыдов. 1966. С. 32-34). Вслед за ним, к числу деталей «русских» шлемов было отнесено еще одно бронзовое навершие, происходящее из культурного слоя золотоордынского Нового Сарая (Полубояринова. 1978. С. 33, рис. 5,2). Разделив точки зрения Е.К. Максимова и Г.А. Федорова-Давыдова, М.Д. Полубояринова связала данную находку со следами пребывания в Новом Сарая либо русских пленников, либо – так или иначе зависимых от золотоордынских ханов русских воинов.

К указанным двум навершиям (из-под г. Энгельса и из Нового Сарая) примыкают еще, как минимум, два аналогичных навершия. Как выяснилось после очистки уже опубликованного ранее навершия из кочевнического («монгольского») погребения у сел. Новотерское в Чечне (Чахкиев. 1983. С. 95-104), оно оказалось идентичным вышеупомянутым образцам (Нарожный. 2008. С. 42-43). Еще позднее было высказано предположение о возможности идентификации с точно такими же бронзовыми навершиями и навершия со шлема из кочевнического захоронения Старонижестеблиевский-1 4/3 (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный. 2011. С. 96-98. С. 97. Рис. 38,3). Таким образом, вместе с публикуемым нами шлемом, на сегодняшний день нам известно уже пять случаев использования однотипных наверший на четырех самых разнообразных шлемах. Судя по семантике декоративного сюжета на четырехчастной пластики подверший, все они, вряд ли имеют отношение к русскому искусству. Скорее всего, все указанные предметы изготавливались (отливались) в одной (?) литейной форме, или же, принадлежат к одной ремесленной мастерской. Веро-

ятно, производство таких наверший было отдельным от производства шлемов. Деятельность предполагаемой ремесленной мастерской, вероятно, следует связывать с территорией Золотой Орды (Нарожный. 2008. С. 42-43). Нельзя исключать при этом и того, что изначально, подобные навершия могли являться и своеобразным, если не этнокультурным, то социальным, или же, военно-иерархическим (?) маркером.

Значительно сложнее дело обстоит с атрибуцией самого шлема, которому, как уже отмечалось выше, аналогий мы не нашли. Тем не менее, здесь будет уместным сослаться на любезное сообщение А.В. Дмитриева, в своих раскопчных материалах курганов из Восточного Причерноморья неоднократно сталкивавшегося с находками сильно спекшихся «кольчужных шапочек» (?), сопровождавших некоторые кочевнические погребения, в т.ч. и в виде кремаций, совершавшихся в разнотипных керамических «урнах».⁸ Данное сопоставление особо интересно и в связи с тем, что в литературе уже ставился вопрос о том, что в погребальном обряде захоронений Келийского могильника встречались некоторые элементы обрядов, более характерных для кочевников Северо-Западного Кавказа и Восточного Причерноморья. Это позволяет ныне ставить вопрос о заметной инфильтрации некоторой их части, вместе с фольклорными «борганами» (?) (Нарожный. 2004.), «занесшими» на Северо-Восточный Кавказ и, в его высокогорную зону не только т.н. «скальный (пещерный) обряд захоронений», ныне датируемый там в пределах XIII-XVIII вв. (Нарожный. 1996. С. 32-35), впрочем, как и многое другое (Нарожный В.Е. 2014). Указанные «инновационные явления» заставляют считать, что некая часть этих мигрантов вполне могла не только влиться в местную этнокультурную среду, но и участвовать в непосредственных этнокультурных и внутривосточных событиях и ситуациях рассматриваемого времени. Особенно это должно было проявиться и в реалиях консолидирующих процессов форми-

⁷ Сегодня этот шлем реконструирован иначе (Коровки. 2010.).

⁸ Пользуясь случаем, авторы выражают искреннюю благодарность Александру Васильевичу за информацию. Количество подобных случаев еще предстоит установить, но точно известно, что подобные находки встречались в курганах в районе Новороссийска, массовое распространение которых А.В. Дмитриев связывает с монголо-татарским вторжением. Несколько случаев таких находок известно в курганах могильника «Криница» и «Молоканова щель» в районе Геленджика.

рования близких этому населению средневековых предков карабулаков (Нарожный. 1996), а также и всей Горно-Ассинской котловины (Нарожный В.Е., 2014).

Несмотря на отсутствие аналогий и существование многих, пока труднообъяснимых вопросов, связанных с генезисом публикуемого шлема - «балаклавы», в качестве рабочей гипотезы можно указать и на заметную его близость со шлемами более позднего времени – боевыми наголовьями, широко бытовавшими на Кавказе и известными как «мисюрки». В эволюционном ряду известных образцов «мисюрок», публикуемый нами шлем может оказаться в самом его начале.

Помимо шлема, интерес представляет и сабля из этого же захоронения. Сабля имела рукоять, перекрестие, два крепления ножен и обойму нижней части ножен. Эти детали документируют тот факт, что в захоронении сабля была в деревянных ножнах, обтянутых кожей. Следы дерева и кожаной обивки ножен хорошо были заметны на лезвии сабли. На отдельных участках внешней поверхности лезвия были заметны следы сохранившихся отпечатков тлена полотняной (?) ткани, такой же, как и ее следы, сохранившиеся на некоторых участках внешней поверхности шлема. Вероятнее всего – эти следы от уже упоминавшегося погребального савана (?).

Сохранилась верхняя и нижняя насадки на черенок рукояти сабли. Верхняя часть рукояти округлая, из тонкого листового железа. Она в виде округлого полого «шара», от которого вниз отходит короткая полая трубка. С двух сторон навершия рукояти заметны вертикальные полосы соединения, что свидетельствует о том, что подобная «конструкция» рукояти, кстати, была хорошо известна и по другим находкам сабель этого же могильника; изготавливалась из двух вертикальных половинок (полос). В верхней части этих полос, изнутри, выдавливались (выколачивались) две полусферы, переходившие затем в половинки полой трубки. Затем вся «конструкция» соединялась («сварачивалась»), образуя полое, верхнее завершение рукояти. Нижний край полой трубки насаживался на деревянные, или роговые пластинки⁹ - обкладки средней части рукояти, «обхватывая» их со всех сторон.

⁹ Использование рога животного в качестве сабельной рукояти иллюстрирует одна из сабель Келийского могильника (Нарожный, Нарожный. 2009. с. 335, рис. 1, 1).

Перекрестье сабли, плавно изогнутое вниз, концы завершаются двумя округлыми утолщениями, также имело отходящую вверх от перекрестья поую «трубку», которая плотно охватывала низ обкладок черенка рукояти. Перекрестье сабли, также изготавливалось из двух, но более массивных, вертикальных половинок, скреплявшихся двумя соединительными швами. Швы в месте соединения и «сварки» (?), зашлифовывались. В нижней части перекрестия имела узкая «щель», ширина которой равнялась толщине предусмотренного выступа на лезвии клинка, на который перекрестье насаживалось.

Сабли с подобными перекрестьями встречались и в других захоронениях Келийского могильника (Нарожный, Нарожный, Чахкиев., 2005. С. 300. Рис. 1,2; Нарожный, Нарожный. 2012. С. 184. Рис. 3,1).

Сабля слабоизогнутая, однолезвийная, общая ее длина – 96,5 см, длина клинка - 88 см. Ширина клинка у перекрестья - 4 см; толщина спинки - 0,9 см. Вес сабли – 1,050 кг. Степень кривизны лезвия – 1 см.

Железные крепления ножен, также типичны для сабель Келийского могильника. Обоймица нижнего окончания ножен, несмотря на то, что из-за плохого состояния распалась, была длиной более 7 см, и тоже является характерной для сабель этого же могильника. Сабля относится к типу, хорошо известному на территории высокогорья Ингушетии, в основном, ее аналогии распространены в погребениях Келийского могильника (Нарожный, Нарожный, Чахкиев. 2005. С. 300. Рис. 1,1-2; Нарожный, Нарожный. 2009. С. 376. Рис. 1,2; 2012. С. 194. Рис. 3, 4). Точно такие же образцы есть и среди нескольких захоронений золотоордынского времени, выявленных на территории обширного и, в основном, раннесредневекового Паметского могильника в горной Ингушетии (Чахкиев. 1998. С. 26. Рис. 2, 1).

На некоторых саблях этого типа встречались крепления ножен идентичные таковым же деталям на саблях из Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии. Как уже отмечалось в литературе (Нарожный, Нарожный, Чахкиев. 2005.), одно время близкая сабля экспонировалась и среди средневековых предметов вооружения Грузии (НМГ).

Таким образом, опираясь на весь отчетный материал о раскопках 1987-1988 гг., отметим: в погребальных комплексах Келийского могильника золотоордынского времени было встречено немалое количество воинских

захоронений, позволяющих в перспективе вернуться к проблеме обобщающей характеристики военного дела и воинского снаряжения населения высокогорной Ингушетии данного периода. Публикуемое воинское захоронение – еще один выразительный и весьма важный аргумент в указанном направлении.

Остается надеяться, что со временем, в научный оборот будут введены и другие, кстати, не менее выразительные и информативные материалы, имеющие информационную важность не только для северокавказской археологии, но и для археологии населения окружающего и сопредельного мира эпохи средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа / Отв.ред. Н.И. Кирея. Краснодар: Изд-во Кубанского гос-о ун-та, 1994. С.6–19.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Голованова С.А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы этнокультурного единства) / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Изд-во Чеч.- Инг. гос-го ун-та, 1990. С. 6–19.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М.: РИЦ АГПА, 2011. 260 с.

Д.С. Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье (новые данные) // Военная археология. Сборник материалов проблемного Совета «Военная археология» при ГИМ. Вып.2. М.: ГИМ, 2011. С.179–188.

Максимов Е.К. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. 1960. №4 С.190–192.

Нарожный В.Е. Население Горно-Ассинской котловины в XIII-XV веках. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2014. 27 с.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. 2009. Горная зона Восточного Придарьяля и золотоордынские владения (К изучению динамики взаимоотношений) // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.). Азов: АКМ, 2009. С.373–382.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Келийского могильника (Высокогорная Ингушетия) // Вестник археологического центра. Вып.4. Назрань: ЦАИ, 2012.С. 182–196.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Случайные находки из разрушенной части Келийского могильника // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань: ЦАИ, 2015а. С.169 – 176.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е. Погребение № 67 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Поволжская археология. Казань, 2015б. №2. С.173–183.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир: РИЦ АГПА, 2005. С. 291–304.

Нарожный Е.И. Келийский могильник XIII-XIV вв. – выдающийся памятник вайнахской средневековой культуры // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией комплексного заповедника: Тезисы докладов Грозный: ЧИГУ .С.62.

Нарожный Е.И. Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 50–54.

Нарожный Е.И. «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 1996. С. 32–35.

Нарожный Е.И. Борганы Северного Кавказа (Историко-этнографический аспект проблемы) // «Дикаревские чтения» (10). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Материалы северокавказской научной конференции. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 193–200.

Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып.1. М.: ГИМ, 2009.С.42–54.

Нарожный Е.И. Конфессиональный синкретизм XIII-XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции / Отв. ред.Н.А. Дашковский Барнаул: Изд-во Алт. гос-о ун-та, 2014. С.147–153.

Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии /Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чеч.- Инг. кн. изд-во, 1990.С.49–79.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: ИА РАН, 1978.135 с.

Схатум Р.Б. Шлемы из Убинского могильника // МИАК. Вып. 4./ Отв.ред.И.И. Марченко. Краснодар: Изд-во Кубанского гос-о ун-та, 2004. С. 331–342.

Хачатурова Е.А. К истории изучения Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Отв. ред. А.Г. Еременко. Краснодар: Изд-во Краснодар. госуд. истор. - археол. музея - заповедника, 2012. С.92–97.

Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у сел. Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1983. С.94-104.

Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Сборник статей / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Нальчик: «Эль-Фа», 1998. С.15–27.

Информация об авторах:

Мужухоев Макшерип Баудинович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России» ФГБОУ ВПО Ингушский государственный университет;

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист НАО «Наследие Кубани»; zai_ein@mail.ru

Чахкиев Джабраил Юрьевич, кандидат исторических наук, зам. начальника (Главный хранитель) Государственной архивной службы Республики Ингушетия.

MILITARY BURIAL NO.33 FROM KELIYA BURIAL GROUND (MOUNTAIN INGUSHETIA)

M.B. Muzhokhoyev, E.I. Narozhnyi, D.Yu. Chakhkiev

The article introduces into scientific discourse another military burial from Keliya burial ground of the Golden Horde period located in mountain Ingushetia. The helmet lying alongside the buried in a stone box is represented by a specimen made entirely of chain mail, which was worn on the head. A finial on top of the helmet featured an image of four griffons. The front side of the combat headpiece had sub-rectangular cutouts for the eyes. Whereas the helmet does not have direct and exact counterparts, although in terms of structure it can be related to the ‘mail caps’ from the North-Western Caucasus, the bronze finials have exact counterparts on several helmets from the nomadic burials of the Golden Horde and New Sarai. The counterparts have allowed not only to date the helmet, but also to make several assumptions making it possible to consider it a possible prototype of later headpieces - the so-called ‘misyurkas’.

Keywords: high mountain Ingushetia, Keliya burial ground, Golden Horde period, military art, helmets, headpiece with a griffin image.

About the Authors:

Muzhokhoyev Maksherip B. Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Faculty of Ingush State University;

Narozhnyi Evgeny I. Doctor of Historical Sciences, Honoured Cultural Worker of Kuban, Leading Specialist of NJSC “Heritage of Kuban”; zai_ein@mail.ru

Chakhkiev Djabrail Yu. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Head (Head of Conservation) of the State Archive Service of the Republic of Ingushetia.

Рис. 1. Фото перекрытия погребения №33.

Рис. 2. Фото погребения №33.

Рис. 3. Фото шлема из погребения №33.

Рис. 4. Фото навершия из погребения №33.

Рис. 5. Фото рукояти сабли из погребения №33.